

представил меня премьеру. Я сказал, что Фросту нездоровится, что он глубоко признателен за визит врача, что он очень рад приезду Хрущева в гостиницу и жаждет его видеть. Пришел врач Хрущева, и Хрущев спросил его о диагнозе. Врач дал подробный и объективный отчет. Хрущев подытожил разговор, спросив, значит ли все сказанное, что он может увидаться с Фростом. Врач ответил утвердительно. Хрущев сказал: “Пошли”.

Когда я сказал Фросту, что Хрущев будет с минуты на минуту, он сел на край кровати. Он надел носки и обулся. Пришли русские. Мы пододвинули несколько кресел. Хрущев сел в одно из них совсем близко к Фросту.

На Фросте были рубашка и брюки. На Хрущеве — щеголеватый летний костюм оливкового цвета поверх светло-бежевой украинской сорочки. Загорелый, пышущий здоровьем, он был энергичен и чрезвычайно любезен. Он спросил Фроста о его самочувствии, попенял ему за то, что он себя не бережет, выразил восхищение далеким путешествием, которое он предпринял, сказал, как он рад их встрече, напомнил ему о необходимости следовать предписаниям врачей, если он хочет дожить до ста лет. Фрост, со своей стороны, сказал, что ничуть не жалеет о своем приезде, что ему было очень приятно получить приглашение, что, как бы там ни было, никогда нельзя доверять врачам и что он, безусловно, хочет дожить до ста лет, потому что в тот год, когда ему исполнится сто лет, его стране будет двести. Дожить до такого возраста, чтобы быть всего в два раза моложе своей страны, — это что-то да значит.

Хрущев спросил, какие у него впечатления от пребывания в России, какой ему оказали прием. Фрост ответил, что он прекрасно провел время и что, судя по тому, сколько издается стихов и сколько вокруг поэтов, премьер, безусловно, много делает для процветания поэзии. Они коротко поговорили об